

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ КИТАЯ В КАВКАЗСКО-КАСПИЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Ашот Егиазарян

В статье проанализированы роль Китая и его геоэкономические приоритеты в обширном Кавказско-Каспийско-Центральноазиатском регионе, в частности, в вопросах освоения и транспортировки богатых углеводородов Каспия. Рассмотрены приоритетные задачи энергетической политики Китая, его торгово-экономические отношения с государствами Средней Азии и Южного Кавказа. Представлены факторы, влияющие на освоение энергоресурсов Прикаспийских стран, а также основные конкурирующие нефтегазовые проекты и роль Китая в их формировании.

1. Стратегические интересы Китая в регионе

Огромные запасы углеводородов, богатые месторождения драгоценных и редких металлов, пересечение крупнейших коммуникаций, идущих с севера на юг и с запада на восток, некое пограничное положение между двумя цивилизациями - Востоком и Западом - превращают Кавказско-Каспийско-Центральноазиатский субрегион в весьма важный геополитический и геоэкономический фактор в современных международных отношениях. В нем сходятся интересы многих стран и транснациональных корпораций.

Нет сомнений, что этот регион исключительно важен для дальнейшего укрепления США на азиатском континенте как в контексте сохранения глобального лидерства, так и в плане американской политики в отношении России как главного претендента на лидерство в данном регионе. Исходя из этой стратегической установки, внешнеполитический курс Вашингтона в отношении постсоветских государств данного региона с самого начала был направлен на последовательное формирование местных "независимых" правительств прозападной ориентации, вплоть до полного подчинения этих стран интересам Запада и международных организаций. В поддерживаемых США энергетических и коммуникационных проектах часто доминировал политический фактор, игнорировались интересы не только государств региона, но и американских нефтяных компаний. Таким способом США надеялись значительно сузить пространство для военно-политической, а в дальнейшем и экономической экспансии России. В этой борьбе США поддержи-

вали Англия, Франция, Германия, хотя последние помимо политических преследовали и чисто экономические цели.

В борьбу за влияние в регионе кроме США-ЕС и России активно включились региональные игроки - Турция и Иран, а также Япония, Индия, другие государства, имеющие непосредственные геополитические и геоэкономические интересы в регионе и особенно Китай, роль которого в последние годы неуклонно возрастает.

На фоне глобального противостояния Запада и России Китай становится новым крупным игроком в Кавказско-Каспийско-Центральноазиатском субрегионе, влияние которого на региональные процессы может существенно изменить контуры сложившейся геоэкономической конфигурации. Сегодня многие считают, что именно Китай - та единственная страна Азии, которая в обозримом будущем может стать сверхдержавой и бросить вызов мощи США.

Китай, США, Россия стремятся иметь в Азии доминирующее влияние, и их амбиции вполне объяснимы. Исходя из глобальных стратегических интересов этих стран, можно предположить, что их соперничество за Южный Кавказ и Центральную Азию, а значит и за Каспий, постепенно возрастет.

В целом и Китай, и Россия не заинтересованы в укреплении США в этом стратегически важном регионе. В этом отношении подходы обеих сторон совпадают.

Москва рассматривает Пекин как потенциального партнера в попытках добиться, с одной стороны, перераспределения глобального баланса сил в свою пользу, а с другой - укрепления своих позиций в регионе, где ее влияние пока еще достаточно сильно.

В стратегическом отношении альянс между Россией и Китаем, объединяющий в единый блок военно-политические возможности России и экономические ресурсы Китая, может стать весьма серьезным союзом, способным обеспечить стратегические основы для глобального сдерживания американского давления. Не исключено, что роль ядра для формирования такого союза может играть Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), в состав которой вошли Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан и Киргизия. В июне 2002г. принята Хартия и ряд юридических документов: способствующих становлению ШОС в качестве одной из ведущих региональных организаций. Таким образом, налажена база для создания системы региональной безопасности без присутствия США.

Как Россия, так и Китай рассматривают ШОС в качестве очень удобного политического и экономического инструмента: с одной стороны для

дифференцированного контроля над регионом, а с другой - в качестве барьера, препятствующего интеграции центральноазиатских стран в политические, экономические и оборонные структуры Запада. Это не может не беспокоить США. Некоторые эксперты даже считают, что бросок США в Афганистан и был, по большому счету, попыткой Америки перехватить у Китая геополитическую инициативу в регионе, своеобразным ответом на "шанхайский вызов".

С точки зрения национальных интересов Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии участие в ШОС дает им возможность использовать объединение в качестве политического инструмента для создания баланса между Россией и Китаем в Центральной Азии. Помимо этого, участвуя в ШОС, среднеазиатские государства преследуют вполне конкретные политические и экономические цели:

- сотрудничество с Россией и Китаем позволит укрепить свои позиции в системе международных отношений;
- мощный экономический потенциал и инвестиционные возможности Китая дадут определенное преимущество экономическому сотрудничеству в рамках ШОС по сравнению с другими региональными объединениями, в которых они участвуют;
- сотрудничество в области коммуникаций, а конкретно - создание транспортных коммуникаций, соединяющих АСЕАН с Европой через Центральную Азию, способствовало бы росту торговли и устойчивому экономическому развитию.

Однако, несмотря на наличие огромного потенциала этого союза, надо отметить, что в тактическом плане ни России, ни Китаю сегодня не выгодно портить отношения с Америкой. Ни та, ни другая сторона сегодня не желает превратиться в "передний фронт борьбы" с американским присутствием в регионе. К тому же у обеих сторон есть свои стратегические интересы, которые зачастую противоречат друг другу.

По ряду причин для Китая неприемлемо замещение США Россией. Россия не может играть в поддержке китайских реформ ту роль, которую в финансовом, экономическом и технологическом аспекте играет Запад, и в первую очередь США.

Железная логика экономических реалий не даст китайскому руководству допустить чрезмерный спад в отношениях, тем более открытую конфронтацию с США и Западом. Вместе с тем та же логика в геоэкономической конкуренции с Западом за влияние над регионом заставит политическое руководство Китая любой ценой отстаивать свои жизненные интересы. В

геоэкономической конкуренции Китай имеет одно несравнимое преимущество: китайские транснациональные корпорации теснее связаны с государством и напрямую представляют его интересы, в которых национальная составляющая, безусловно, превалирует над международной.

Пока что Китай не демонстрирует ярко выраженной склонности к форсированию событий, а последовательно работает на перспективу. После сентябрьских событий 2001 года в отношениях США, России и Китая сложилась ситуация, которая, по мнению экспертов, характеризуется как определенный баланс сил по умолчанию: за Россией – военно-политическое присутствие в рамках договора коллективной безопасности; за США – экономическое закрепление в нефтегазовой сфере; за Китаем – экспорт товаров и импорт сырьевых ресурсов. Однако растущая активизация Китая в региональных коммуникационных проектах, его возрастающий интерес к энергетическим ресурсам Ирана, Казахстана и Туркмении, безусловно, будет оказывать сильное влияние на изменение геоэкономической конфигурации региона.

Сближение с Россией в качестве политического маневрирования и сохранения своих позиций в Азии, а также постепенная реализация своих конкурентных преимуществ – более вероятный сценарий поведения Китая. При таком сценарии можно ожидать, что геоэкономическая роль Китая в регионе будет неуклонно возрастать, что в свою очередь будет влиять на общую ситуацию в регионе. Возможно, от исхода борьбы за каспийские углеводороды и геополитическое влияние в этом регионе зависят перспективы складывающегося многополярного мира, где претензиям США на гегемонию помимо России противостоит и Китай.

2. Основные причины и предпосылки экономической экспансии Китая в регионе

Приоритетные задачи энергетической политики Китая. Можно предположить, что общее направление экономической политики Китая на ближайший период останется неизменным, а темпы роста китайской экономики будут одними из высоких в мире и составят 7-8.5% в год. При этом, согласно последнему докладу, опубликованному Организацией Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), в 2003 году темпы экономического роста в США составят 2,9%, в Японии – 2,7%, в зоне Евро – 0,5%.

Общий объем импорта и экспорта Китая в 2003 году превысил \$850 млрд. По этому показателю Китай вышел на четвертое место в мире. Значительно улучшились структура, качество и эффективность экспортной продукции, удельный вес машиностроения и электроники в импорте и экспорте

превысил 50%, удельный вес высокотехнологичной продукции превзошел 25%, что эффективно способствовало быстрому развитию и повышению качества народного хозяйства. При сохранении нынешней динамики развития Китай может уже в 2006 году довести объем своего экспорта до \$1 трлн. Отметим, что стоимость совокупного экспорта главных центров международной торговли - США, ЕС и Японии (помимо внутриевропейской торговли) - составила в 2002 году \$3,1 трлн.

По совокупному объему накопленных иностранных инвестиций (\$881 млрд. по состоянию на начало 2003 года) Китай уступает теперь только Соединенным Штатам. По предварительным расчетам, только в 2003 году реально привлеченные инвестиции составили примерно \$50 млрд. Иностранные инвесторы уже перемещают свои средства в такие высокорентабельные сферы, как исследования, маркетинг, сервисная торговля. Всего же в Китае насчитывается примерно 400 тыс. предприятий с участием иностранного капитала.

Как сообщает веб-сайт Чжунгуан, Китай является не только страной-получателем прямых зарубежных инвестиций, но и страной-экспортером капиталов. Действительно, в последние годы Китай достиг большого прорыва в сфере инвестирования за рубежом. В рамках усилий по повышению международной конкурентоспособности китайских товаров реализация правительственной стратегии "выхода за рубеж" получила новое развитие. Только в январе - ноябре 2003 года Китай дал санкцию на создание 448 предприятий за рубежом, договорная сумма капиталовложений составила \$1,74 млрд. Обе цифры выросли на 45,5 и 91,6% по сравнению с аналогичным периодом 2002 года.

По данным ЮНКТАД, общая сумма прямого инвестирования Китая за рубежом в минувшем году превысила \$35 млрд. В настоящее время Китай быстро совершенствует систему обслуживания предприятий, занимающихся внешней торговлей, проводит либерализацию торговли и поощряет отечественных предпринимателей, инвестирующих за рубежом. Китайские инвестиции размещены в более чем 160 странах и районах мира. С точки зрения их структуры инвестиции являются многосторонними. Они ориентированы не только на ресурсы, но и на рынки, эффективность, технологии.

Чрезмерные темпы развития китайской экономики обусловили рост потребностей Китая в энергетических ресурсах, что увеличило зависимость страны от импорта нефти. По оценкам Международного энергетического агентства, рост потребления нефти в Китае составит треть роста мирового потребления нефти в нынешнем и будущем годах. По объему добываемой нефти Китай находится сегодня на шестом месте в мире. В восьмидесятые

годы Пекин экспортировал "черное золото", и в 1985 году его доходы от продажи нефти составили \$6,7 млрд. В 1996 году Китай произвел 156 млн. тонн сырой нефти (3,1 млн. баррелей в день). Но собственные энергоресурсы далеко не в состоянии удовлетворить растущий спрос, поэтому с 1994г. Китай импортирует нефть. Если для покрытия дефицита Пекин ввез в 1994 году три млн. тонн нефти, то два года спустя китайский импорт составил 22,6 млн. тонн, то есть увеличился в 7.5 раза. В 1996г. Китай стал третьим (после США и Японии) крупнейшим потребителем нефти в мире. В 2003г. объем импорта нефти в Китай составил примерно 80 млн. тонн, а в предстоящие 5 - 10 лет годовой расход нефти в стране ежегодно увеличится в среднем на 4 процента [1, с. 4-5]. Предполагается, что в 2004 году Китай взамен Японии станет вторым по величине потребителем нефти в мире после США и третьим крупнейшим импортером нефти, уступая США и Японии.

По оценкам специалистов, к 2010 году общий объем потребления нефти в Китае составит 300 - 320 млн. тонн. В 2020 году производство нефти в Китае достигнет максимального показателя и составит 200 миллионов тонн, но потребность также вырастет до 415 миллионов, так что Китай вынужден будет импортировать 200 миллионов тонн нефти. К 2030 г. удельный вес импортируемой нефти увеличится с нынешних 30% до 80%.

Природный газ составляет всего 2,1% в общем потреблении энергоресурсов Китая, что намного ниже не только от соответствующего уровня развитых стран, но и среднего мирового уровня. Такая структура потребления обостряет экологическую ситуацию в стране и создает много внутренних проблем, в результате чего использование преимущественно чистых энергисточников становится первоочередной задачей правительства. В этой связи ожидается, что объемы потребления природного газа в Китае значительно возрастут, и соответственно увеличится доля природного газа в топливном балансе страны. По некоторым оценкам, к 2010г. импорт природного газа в Китай увеличится до 60 – 90 млрд. кубометров, и до 365 млрд. кубических метров в 2015 году, тогда как в 1995 году составил 70 млрд. кубических метров. Эти цифры указывают на растущую с каждым годом зависимость Китая от импорта энергоресурсов [2].

В настоящее время более половины всего импорта нефти Китай обеспечивает из стран Ближнего Востока. Китай импортирует нефть также из Венесуэлы и других стран и регионов мира, но эти источники нефти в долгосрочной перспективе менее значимы для Китая по ряду причин, и прежде всего из-за высоких цен и рисков, связанных с удаленностью и способами транспортировки "черного золота". По прогнозу разведывательных ведомств

США, к 2010 году указанная доля импорта нефти из этого региона мира возрастет до 80%. Однако из-за нестабильной ситуации в данном регионе, энергетическая безопасность Китая в значительной мере подвержена влиянию неопределенных факторов и рисков. Помимо этого, на экономике и производстве Китая все сильнее отражается колебания мировых цен на нефть.

Таким образом, отсутствие достаточных внутренних источников энергии и ненадежные внешние ресурсы представляют серьезную угрозу для развития экономики Китая, и в целом для безопасности страны. Если учесть еще то обстоятельство, что у китайцев, в отличие от американцев отсутствуют стратегические нефтяные резервы, то расширение источников импорта нефти и надежные маршруты ее транспортировки, несомненно, становятся вопросами национальной безопасности для Китая. Для Китая альтернативные источники энергоресурсов находятся в России и в Каспийском регионе.

Строительство нефтепровода Ангарск-Дацин по подписанному в 2001г. российско-китайскому договору окончательно определило бы позицию Китая как одного из главных потребителей углеводородов в мире в ближайшие десятилетия. Однако этот договор оказался нестабильным, поскольку Москва решила пересмотреть свои "восточные нефтяные приоритеты" в сторону Японии, вновь заставив Китай обратить внимание на страны Центральной Азии. По этому поводу *Wall Street Journal* отмечает, что сближение Москвы и Токио будет вынуждать Пекин к союзу с центральноазиатскими государствами, все дальше уводя эти страны от образа, в котором их хотел бы видеть Запад [3].

Как говорят, Китай не ставит России "сроков в делах любви", но любовь любовью, а нефть быстро растущей китайской экономике необходима. Кроме того, на энергетическое сотрудничество между Россией и Китаем очень сильно влияют геополитические и геоэкономические факторы. Россия рассматривает китайский вариант трубопровода как "тупиковый": покупатель будет один – Китай, а это значит, что Пекин в дальнейшем, используя свое рыночное положение монополии (монопольный покупатель), может довольно эффективно играть на понижение цен. В этом отношении японский вариант до Находки для России выгодно отличается от китайского направления, так как подразумевает экспорт в другие страны юго-восточного региона Азии. Такое положение на рынке исключает возможность одному покупателю диктовать экспортеру ценовую политику.

В свою очередь Китай отверг предложения РАО "ЕЭС России" о прямой поставке электроэнергии западным районам страны. Такой вариант рос-

сийско-китайского сотрудничества в энергетической сфере в целом неприемлем для Китая. В этом отношении поведение Пекина можно связывать с перспективами китайско-казахстанского и китайско-туркменского энергетического сотрудничества, в результате которого Китай рассчитывает на существенное расширение сырьевой базы для развития собственного топливно-энергетического сектора. Однако не надо забывать и о том, что Китай прекрасно понимает: огромное влияние США и России в Центральной Азии если не ставит под вопрос, то значительно затрудняет реализацию этого вектора китайской политики.

Ясно одно: у Китая есть свои приоритеты и принципы по вопросам энергообеспечения и энергетической политики, что подразумевает перетягивание в свою сторону потоков энергоресурсов из России и Центральной Азии и дальнейший контроль над их поставками в Японию и Корею. Отсюда – параллельное развитие потенциально конкурентных проектов.

Характерные особенности нефтегазовой политики Китая в последние годы (а именно - активное стремление внедриться в нефтяные и газовые месторождения за рубежом, неприсоединение к американским санкциям против "стран-изгоев") свидетельствуют о стремлении Поднебесной к возрастающей экспансии. В этом плане все очевиднее, что подлинный интерес Китая питает к Казахстану и Туркменистану, и не только по экономическим соображениям. Для Китая этот регион представляет собой естественный континентальный мост к Ирану и богатому углеводородными ресурсами Ближнему Востоку (откуда Пекин в основном покрывает разницу между спросом и предложением энергоресурсов). Поэтому в ближайшее время китайцы собираются еще больше усилить свою экспансию в данном регионе. В этом контексте можно предвидеть, что в своей азиатской политике Китай намерен добиться следующих целей:

- обеспечить себя надежными нефтяными и газовыми месторождениями и трубопроводами и маршрутами, вследствие чего приоритетной задачей становится стабилизация этого региона;
- создать новую зону влияния на Ближнем Востоке, развивая тесные отношения с Ираном в расчете на поставки энергоносителей;
- объединить эту зону с регионом Каспийского моря и тем самым создать свои рычаги влияния на богатый нефтью и газом Ближний Восток, где традиционно доминируют западные и арабские державы.

Согласно докладу о глобальных тенденциях мирового развития до 2015г., подготовленному разведывательным сообществом США, в 2015г. Азия станет лидирующим регионом по потреблению энергетических ресурсов (в

настоящее время таковым является Северная Америка). Китай и в меньшей степени Индия существенно увеличат потребление энергоресурсов. Ожидается, что к 2015г. только десятая часть добываемой в Персидском Заливе нефти будет приобретаться Западным рынком, две трети будет направляться в Азию.

Если эта тенденция развития мирового энергетического рынка не вызывает сомнений, то пути и условия доставки энергоресурсов к основным потребителям останутся объектом ожесточенной борьбы.

Торгово-экономические отношения Китая с государствами Средней Азии и Южного Кавказа. С каждым годом расширяются торгово-экономические отношения Китая с государствами региона. Пекин постепенно начинает рассматривать соседние центральноазиатские государства не только с точки зрения обеспечения своей энергетической безопасности, но и как богатый источник различных сырьевых ресурсов, естественный транспортно-коммуникационный коридор для продвижения китайских товаров на западные рынки и потенциально емкий регион сбыта своей готовой продукции. В расширении двусторонних торгово-экономических отношений со странами Центральной Азии наблюдаются качественные изменения, выражающиеся в переходе от разовых торговых сделок к сотрудничеству на основе долговременных соглашений. Вызванная вступлением Китая в ВТО реструктуризация китайского сельского хозяйства вынуждает его искать дополнительные возможности для обеспечения занятости высвобождающейся рабочей силы, что еще больше усиливает интерес Китая к соседним среднеазиатским государствам.

Казахстан. Уже сегодня Казахстан является вторым крупным партнером Китая после России среди стран Восточной Европы и СНГ. Товарооборот между Китаем и Казахстаном за последние годы значительно вырос. Если в 2002 году объем взаимной торговли достиг \$1,95 млрд., то по предварительным итогам 2003 года товарооборот превысил \$3 млрд.

Основные статьи экспорта Казахстана - это черные и цветные металлы, минеральное топливо, нефть и нефтепродукты, продукты неорганической химии, доля которых составляет более 90% от общего экспорта. В перспективе может существенно увеличиться экспорт казахстанского зерна в Китай.

В последние годы отмечается рост по всем значимым позициям казахстанского импорта из Китая, в том числе электромашин и оборудования. Однако наибольший стоимостный объем и удельный вес в структуре импорта Казахстана с Китаем составляют закупки обуви, текстиля и трикотажа, керамических изделий, электрооборудования. При анализе импорта из Китая не-

обходимо иметь в виду значительные масштабы "челночного бизнеса". Таким образом, казахстанский экспорт в Китай характеризуется сырьевой направленностью, тогда как основная часть импорта – это потребительские товары.

Помимо двусторонней внешней торговли динамично развиваются и китайско-казахстанские отношения во многих областях экономики. На территории Китая, в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), действуют 15 казахстанских предприятий. По объему капвложений в экономику СУАР Казахстан занимает 4 место среди иностранных инвесторов. Сфера деятельности этих предприятий – кожевенное производство, строительная индустрия, пищевая отрасль, автосервис.

В Казахстане работают свыше 400 китайских предприятий – в нефтяной отрасли, в сфере переработки с/х продукции, в ресторанном сервисе. Подписаны соглашения об открытии в Алма-Ате СП по производству легковых автомобилей марки "Ауди". Возможным направлением расширения торгового сотрудничества между двумя странами могут стать поставки в Казахстан китайского оборудования для нефтепрома.

Киргизия. Товарооборот Китая с Киргизией в последние годы составляет в среднем \$200 млн. в год. Пока это не большой показатель, но перспективы роста взаимной торговли очень велики. Киргизы озабочены только тем, что обмен сырьевых ресурсов (хлопок, шерсть, кожа, табак и др.) на потребительские товары и продовольствие из Китая не способствует экономическому развитию республики и выгоден, главным образом, для китайцев. В этом отношении киргизы ставят перед собой задачу изменить структуру экспорта: экспортировать готовую продукцию с одновременным улучшением качества товаров.

Успешно развиваются отношения в транспортно-коммуникационной области. Стратегическое значение имеет строительство ж/д магистрали Китай-Киргизия-Узбекистан. За основу проекта принят киргизский вариант строительства – через Торугарт.

В среднесрочной и долгосрочной перспективах основными направлениями внешнеэкономической политики Китая в Киргизии являются энергетика, коммуникации, горнодобыча, восстановление крупных промышленных объектов.

В Киргизии работают свыше 350 китайских предприятий в сфере торговли, строительства, ресторанного сервиса, в агропромышленном комплексе, а также в химической промышленности. Одним из приоритетных направлений развития экономических связей между двумя странами может стать

электронная промышленность Киргизии, так как, по оценкам экспертов, там созданы благоприятные условия для деятельности иностранных инвесторов.

Туркмения. Наиболее слабым звеном в туркмено-китайских экономических отношениях является межгосударственная торговля. В общем объеме внешней торговли Туркменистана на долю Китая приходится 1%.

Китайские инвестиции в экономику Туркмении превышают \$40 млн. Наиболее значимым объектом экономического сотрудничества Китая и Туркмении является участие Китайской национальной нефтегазовой корпорации в восстановлении 100 туркменских нефтяных и газоносных скважин. Общий объем капложений китайской стороны в этот проект составит \$23 млн. В Туркмении официально зарегистрированы и действуют несколько китайских предприятий в сферах торговли и ресторанного сервиса. Перспективными направлениями экономического взаимодействия являются нефте- и газодобыча, химическое производство, металлургия, транспорт, легкая промышленность. В легкой промышленности Китаю придется преодолевать наиболее серьезные препятствия, так как в этой сфере Турция создала своего рода "текстильную империю". Для текстильной отрасли Китая эта проблема актуально не только в Туркменистане, но и во всем регионе.

Помимо прямых иностранных инвестиций китайское правительство предоставило Туркменистану более \$10 млн. кредита в виде товаров и более \$1 млн. безвозмездной помощи.

Успешно развивается туркмено-китайское сотрудничество в научно-технической области. Китайские ученые проявляют интерес к достижениям туркменской науки в области борьбы с опустыниванием и селекции хлопчатника.

Таджикистан. В основном налажена правовая основа для серьезного и взаимовыгодного таджико-китайского экономического сотрудничества, между сторонами подписаны соглашения о поощрении и взаимной защите капложений, о государственном кредите для поставок товаров из Китая в Таджикистан и ряд других соглашений. Достигнута очень важная для экономики Таджикистана предварительная договоренность о китайских инвестициях в Таджикистан. Разработаны основные детали инвестиционной политики: о видах и суммах инвестиций, о типе предприятий, об отраслях, в которые будут вложены основные инвестиционные суммы, о сервисном обслуживании. Крупными проектами являются строительство ГЭС Санг-Туда-2 (\$200 млн.), ГЭС Шураб (\$600 млн.). Помимо энергетики ключевыми объектами инвестиций будут горнорудная промышленность, добыча цветных металлов и драгоценных камней. Предполагается также инвестировать

средства в телекоммуникационные и рудодобывающие объекты. Общая сумма инвестиций составит \$2 млрд. Все объекты сотрудничества являются государственными. Инвестиции предоставляются под гарантии правительства и Центрального Банка Таджикистана, а также энергетических и рудных ресурсов страны. С китайской стороны инвесторами выступают инвестиционная компания "Цзин Хэй" (Гонконг), Компания по энергетике (Гонконг), Всекитайская Ассоциация по инвестированию в предприятия.

Китай собирается строить новые транспортные магистрали в обход Афганистана для развития своих довольно бедных северо-западных регионов. Это очень выгодно Таджикистану, где в ударном порядке уже построена автомобильная дорога Душанбе-Курган-Тюбе-Куляб.

Узбекистан. В 1996-97гг. Китай закупил в Узбекистане четыре самолета Ил-76, построенных на ташкентском заводе им. В.Чкалова. С 1996г. правительство Китая подарило правительству Узбекистана телекоммуникационное оборудование на \$360 тысяч. В августе 1998г. в ходе визита в Ташкент делегации китайской компании "Хуавэй" правительству Узбекистана было передано оборудование АТС на 1200 номеров для Наманганской области. Узбекистан поддержал инициативу Китая о прокладке оптоволоконной линии связи между Шанхаем и Франкфуртом-на-Майне через 20 государств. В августе 1998г. состоялся ввод в коммерческую эксплуатацию узбекского участка протяженностью в 900 км. В 2001г. Китай предоставил Узбекистану безвозмездную помощь в 5 млн. юаней (\$625 тысяч) для развития научно-технической и торгово-экономической сфер.

Ташкент заинтересован в расширении поддержки со стороны Пекина действий узбекских властей против исламских экстремистов. Это фактор, который может стимулировать развитие двухсторонних экономических связей. Однако в последние годы наметились тенденции к стагнации товарооборота между двумя странами на уровне \$100-150 млн. Доля Китая в товарообороте Узбекистана не превышает 2%. На фоне относительной активности в Узбекистане корейского, турецкого, западноевропейского и американского капитала китайские предприниматели не проявляют заметного интереса и к освоению узбекского инвестиционного рынка. К концу 1998г. в Узбекистане действовало не более 40 узбеко-китайских СП (на тот же период в Узбекистане было зарегистрировано 172 узбеко-турецких СП). К концу 1999г. начали действовать несколько новых узбеко-китайских СП, в том числе по производству велосипедов в Ташкентской области, электродов – в Андиджанской области, чаеразвесочное предприятие в Намангане.

Есть все основания для более динамичного и объемного двухсторонне-

го экономического сотрудничества. В области торгово-экономического сотрудничества между Узбекистаном и Китаем подписано несколько десятков договоров и соглашений. Китай принимает участие в финансировании ряда совместных проектов по строительству новых станций ташкентского метро и реконструкции ташкентского аэропорта. Налаживается сотрудничество между двумя странами в научно-технической сфере. Активно развивается сотрудничество в сфере шелководства. В 2001г. был разработан новый проект по закупке современного оборудования для шелкопрядных фабрик Бухары, с помощью которого узбекская сторона надеется поднять уровень производства экспортной шелковой продукции.

Перед Узбекистаном остро стоит задача поиска и прокладки новых транспортных коридоров с соседними государствами. В этой связи сотрудничество с Китаем в области строительства ж/д магистралей представляет для Ташкента стратегический интерес. Очень актуальным является маршрут Андижан - Джалал-Абад - Кашгар, который проходит по историческому Шелковому пути, и завершение строительства трассы Ташкент-Андижан-Ош-Шркештам-Кашгар с выходом к восточным портам Китая. В Узбекистане рассчитывают на выход не только к китайским рынкам, но и к рынкам стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Если Китай стремится не антагонизировать отношения со своими среднеазиатскими соседями и постепенно наращивает долгосрочное торгово-экономическое сотрудничество, то в отношении с Южно-Кавказскими государствами он свехосторожен. Так, до последнего времени представители Китая любого уровня при посещении региона обязательно наносили визиты во все три государства (Армению, Грузию, Азербайджан), тем самым неизменно подчеркивая нейтралитет Китая. В любом документе, касающемся Карабаха, Китай ни в коем случае не затрагивает тему статуса Нагорного Карабаха.

По объему торгово-экономические отношения Китая с южнокавказскими государствами уступают среднеазиатским. Но активизация взаимной торговли и деятельности китайских компаний по некоторым направлениям очевидна.

Грузия. Товарооборот между Китаем и Грузией составил в 1997 году \$4.08 млн., в 1998 г.- \$7.74 млн., в 1999 году- \$3.73 млн., из которого экспорт - \$2.23 млн., импорт - \$1.50 млн., в 2000 году - \$3.89 млн., из которого экспорт - \$1.54 млн., импорт - \$2.35 млн., в 2001 году - \$7 млн., из которого экспорт - \$3.71 млн., импорт - \$3.29 млн.

По состоянию на 2000г., в Грузии было открыто 6 китайских предприя-

тий в сфере торговли и переработки с/х продукции. Масштабы их деятельности невелики. В конце 2003 года Китайская *Sichuan Electric* завершила строительство Хадорской ГЭС (общей мощностью 24 МВт), расположенной в Панкисском ущелье Грузии, общая стоимость которого составила \$27 млн. Ее партнером в совместном предприятии выступает грузинская компания "Пери", разработавшая технико-экономическое обоснование данного проекта. Доля китайской стороны в СП составляет 93%, грузинской - 7%. Ими же запланировано строительство еще одной ГЭС.

Азербайджан. Товарооборот Китая с Азербайджаном составил в 1997 году -\$15.66 млн., в 1998 году - \$1.31 млн., из которого экспорт - \$1.15 млн., импорт - \$0.16 млн., в 1999 году - \$1.14 млн., из которого экспорт - \$0.99 млн., импорт - \$0.15 млн., в 2000 году - \$3.89, из которого экспорт - \$1.54 млн., импорт - \$2.35 млн., в 2001 году - \$15.04, из которого экспорт - \$10.77 млн., импорт - \$4.27 млн. По данным государственного статистического комитета Азербайджана, доля Китая в импорте страны составила в 1997 году - \$0.8%, в 1998 году - 0.6%, в 1999 году - 1.3%, в 2000 году - 2 %, в 2001 году - 2.9%. Доля экспорта составила соответственно в 1997 году - 0.2%, в 1998 году - 0.1%, в 1999 году экспорт из Азербайджана в Китай полностью отсутствовал, в 2000 году - 0.3 %, в 2001 году - 0.1%.

Импортируется из Китая в основном табак, хлопчатобумажные ткани, телевизоры, буровое оборудование; основу экспорта составляет полиэтилен.

Армения. Если в первый год дипломатических отношений с КНР, по данным китайской таможни, в Армению поступило китайских товаров на сумму \$200 тысяч, то в 2002 году - на \$8,6 млн. По данным статистической службы Армении, товарооборот между двумя странами составил \$14.2 млн. Разница между цифрами может объясняться тем, что китайская сторона не учитывает товары, ввезенные через третьи страны. В 2003 году двухсторонний товарооборот составил \$16.3 млн. Торговля с Китаем составляет 1% внешнего товарооборота Армении. Преобладает "челночная" торговля.

На сегодняшний день в Армению поступает 300 видов китайских товаров. Значительная доля из них приходится на изделия легкой промышленности - одежду, ткани, обувь, а также мясопродукты. Значительная доля армянского экспорта в Китай приходится на молибденовый концентрат. Минсельхоз Армении долгие годы активно поставляет в Китай саженцы абрикосов, вишни и персиков. А в последние два года начались поставки семян овощей.

В экономических отношениях с Арменией Китай отдает предпочтение форме совместных предприятий. В Ереване уже функционирует совместный

армяно-китайский институт по биоинженерным исследованиям. Налажено совместное производство пищевых добавок: технология армянская, а производство и реализация осуществляются в Китае.

Самый крупный армяно-китайский проект на данном этапе - совместное предприятие по производству каучука "*ChinArmenpren*", с уставным капиталом в \$35 млн. Согласно договору, подписанному в октябре 2000 года в Пекине, \$21 млн. предоставит китайская сторона (китайская сторона предоставит заводские строения, рабочую силу, уже предоставила соответствующую территорию в провинции Шаньси, богатую залежами каменного угля, который и послужит основным сырьем для будущего производства), остальные 14 млн. долл. - армянские предприятия "Наирит-1" и "Наирит-2" в виде оборудования и технологического обоснования. На строительство *ChinArmenpren* правительство Китая предоставило гарантии под кредит в размере \$100 млн. Кредит предоставлен с 5-летним льготным периодом по ставке 7% годовых. Согласно проекту, годовой объем производства СП составит 35 - 40 тыс. тонн каучука.

Крупным контрактом с Китаем была поставка оборудования на 5-ый блок Разданской ГРЭС на общую сумму в \$3,7 млн. Китайские компании очень заинтересованы в участии в тендерах на строительство в энергетике и ирригации в Армении, так как в этих областях у них накоплен большой опыт. Китайцы готовы принять участие в строительстве газопровода Иран-Армения.

Интересует Китай и телекоммуникационная область, китайцы готовы вкладывать инвестиции в эту сферу, однако пока есть препятствие в виде монополии "АрменТел". Китайские фирмы намерены создать в Армении текстильное предприятие, компанию, поставляющую оборудование для электро-, тепло- и гидростанций, а также филиал компании "Хуавэй", производящей аппаратуру для Интернет-связи. У этой компании есть филиалы в России, в Азербайджане, представительство в Грузии.

В целом Кавказско-Каспийско-Центральноазиатский регион может стать ключом, который позволит китайскому руководству сохранить высокие темпы развития экономики страны. У Китая здесь есть фундаментальные экономические и геополитические интересы, поэтому его активность с течением времени будет только усиливаться, особенно в азиатской части каспийского региона. Тем не менее, Китай не может претендовать на существенное влияние в регионе без закрепления своих позиций в Южном Кавказе.

3. Конкурирующие нефтегазовые проекты и роль Китая в их формировании

Факторы, влияющие на освоение энергоресурсов Прикаспийских стран. Нерешенность статуса Каспия, различные интересы глобальных и региональных игроков и отсутствие многостороннего и углубленного регионального сотрудничества не только задерживают освоение и транспортировку каспийской нефти и газа, но и создают такую ситуацию неопределенности, что даже в случае технического воплощения этих проектов их полноценность и эффективность не гарантированы.

Не исключено, что со стороны США и многих западных стран каспийская нефть рассматривается или как потенциальный мировой резерв, который может приобрести приоритетное значение лишь в случае истощения запасов нефти в Персидском заливе, или как своеобразный рычаг воздействия на ценовую конъюнктуру мировых рынков нефти. Без труда можно заметить, что в планах США по отношению к каспийской нефти не подчеркивается стремление к их форсированной добыче. Можно ожидать, что западные инвестиции в топливно-энергетический комплекс прикаспийских стран будут лишь на уровне, приемлемом для нефорсированной разработки месторождений и добычи минимального объема сырья.

Для транспортировки углеводородов региона на мировые рынки Россия, используя свои преимущества в виде устаревших, но готовых объектов инфраструктуры, упорно стремится тянуть через свою территорию все нефтяные и газовые потоки региона. Поэтому со стороны России сейчас прилагаются все усилия, чтобы извлечь максимум выгод из территориальных споров, религиозных и межэтнических конфликтов между государствами региона, чтобы таким образом сохранить свой контроль над регионом.

Прикаспийские государства, наоборот, связывают с Каспием решение своих внешнеполитических, внутриэкономических и многочисленных социальных проблем. С приобретением политической независимости они рассчитывали на то, что каспийская нефть и газ вывезут их из-под российской экономической и политической опеки, но взамен попали в политическую и финансовую ловушку Западных стран и транснациональных компаний. Война в Ираке показала, что американские и британские геоэкономические и стратегические планы на Каспий могут отнюдь не совпадать с интересами Прикаспийских стран. В сложившейся ситуации Прикаспийские государства приветствуют повышение роли Китая в регионе. Тогда как сложившаяся вокруг разработки энергоресурсов Каспия ситуация остается неясной, Китай предлагает альтернативный вариант экспорта энергоносителей. Проводя

"политику многовекторности", страны региона надеются использовать острую конкуренцию между крупнейшими державами, чтобы получить связанные с нею максимальные военные и экономические выгоды. По их убеждению, Китай способен придать свой вес Центральной Азии, сбалансированный характер ее взаимоотношениям с американцами, европейцами и русскими. Появление на Каспии Китая как крупной мировой державы, по идее, должно уменьшить остроту соперничества Москвы и Вашингтона в регионе. В этом контексте не удивительно, что позиции России и США по многим проблемам энергетической политики стали гибче.

В настоящее время каспийская нефть поступает на мировые рынки лишь по пяти маршрутам: Баку – Новороссийск, Баку – Супса, Тенгиз – Новороссийск, Атырау – Самара и Нека – Тегеран. Общая пропускная способность этих трубопроводов к 2015 году составит 122 миллиона тонн, не считая трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД), который все еще находится на стадии строительства.

Фактор США. США во главе с администрацией Б.Клинтон в 1996-2000 годах сделали все, чтобы при транспортировке каспийской нефти любой ценой обойти Россию и Иран, несмотря на безусловную экономичность именно иранского пути доставки нефти на мировые рынки, в частности в страны-союзники США в Юго-Восточной Азии, поэтому основной упор сделали на маршрут Баку-Джейхан. С открытием газового месторождения *Shakh Deniz* (Шах-Дениз) в азербайджанском секторе Каспия весьма конструктивным казался проект экспорта азербайджанского газа в Турцию. Этот проект позволял достичь 10%-й экономии средств при строительстве инфраструктуры, в связи с чем перспективной выглядела идея объединения нефтяных и газовых магистралей в рамках Транскавказского энергоресурсного коридора Восток - Запад.

Однако коммерческая привлекательность данного газотранспортного проекта пошатнулась и в этом плане, так как выяснилось, что Турция может гарантировать ежегодный импорт только 1-2 млрд. кубометров газа, хотя сначала речь шла о 16 млрд. кубометрах. Турция планирует покупать большие объемы газа у России через газопровод "Голубой поток". Подписанное между Азербайджаном и Турцией рамочное соглашение предполагает поставки 79,7 млрд. кубометров газа в 2004-2018 годах, притом до 2007 года объем поставок не будет превышать 2 млрд. кубометров в год, а затем возрастет всего до 6,6 млрд. Эти объемы гораздо меньше тех показателей, на которые рассчитывала ВР-Атосо как оператор проекта-разработки Шах-Дениза. Это в первую очередь ударило по интересам американских компаний, сде-

лавших огромные вложения в Азербайджане.

Сама идея проекта Баку-Джейхан подразумевает, что через порт Актау к нему присоединится и Казахстан, и в трубопровод можно будет качать казахстанскую нефть. Пропускная способность Баку-Джейхан составляет 50 млн. тонн нефти, а возможности Азербайджана в среднесрочной перспективе не превышает 10 млн. тонн нефти.

И хотя большими усилиями США удалось склонить к поддержке проекта Казахстан, почти ни у кого не вызывает сомнений, что эта поддержка может носить временный характер, продиктованный политической конъюнктурой. В данном случае многие объясняют позицию Астаны "делом Гиффена". Признаком неустойчивости и сиюминутности позиции Казахстана стало высказывание вице-президента компании "Казтрансойл" К.Кабылдина о возможности транспортировки нефти через Иран. В свою очередь смягчение тарифной политики со стороны России незамедлительно направит взгляд Астаны в сторону российских путей транспортировки. Более того, российские пути транспортировки непосредственно связаны с интересами компании "ТенгизШеврОйл", которой владеют американские компании "Шеврон" (50%), "ЭксонМобил" (25%) и российские и казахские партнеры (25%).

Таким образом, серьезнейшие ошибки в трубопроводной политике США на Каспии (игнорирование других, экономически более оптимальных вариантов - транспортировка через Иран по схеме *Swap Deals* в ущерб интересам крупных американских компаний, работающих по добыче нефти и газа на Каспии; согласие с проектом нефтепровода Тенгиз - Новороссийск без соответствующих обязательств со стороны России поддержать Баку - Джейхан в качестве основного экспортного маршрута) по существу подрывают транскаспийские варианты транспортировки казахстанской нефти - через Каспий, Азербайджан, Грузию к Турецкому порту Джейхан. Более того, согласие Турции с российским проектом транчерноморского газопровода "Голубой поток" существенно подрывает проекты Транскаспийского газопровода для туркменского газа и транспортировки азербайджанского газа с морского месторождения *Shakh Deniz* в Турцию и далее в Европу.

Фактор России. Из вышеназванных пяти путей транспортировки каспийской нефти через Россию проходит нефтепровод Баку-Новороссийск мощностью 17 млн. тонн нефти в год, Тенгиз-Новороссийск мощностью 67 млн. тонн нефти в год и Атырау - Самара мощностью 16-16.5 млн. тонн нефти в год, то есть основная часть экспортируемой нефти. Пока единственной альтернативой являются трубопроводы Баку - Супса мощностью 7 млн. тонн

нефти в год и Нека-Тегеран мощностью 15 млн. тонн нефти в год. Что касается газотранспортной системы региона, то она полностью зависима от российской инфраструктуры. Однако в перспективе, когда в регионе увеличится добыча нефти и газа, контроль России неизбежно снизится в пользу новых альтернативных путей транспортировки и в связи с этим нет сомнений, что Россия в будущем проиграет эту битву. Этому есть свои основания:

- сейчас и в перспективе у России практически нет шансов лидировать в регионе при добыче узбекского и туркменского газа или азербайджанской и казахстанской нефти;
- страны региона превратятся в сильных конкурентов России по поставкам энергоресурсов на европейские и мировые рынки;
- Казахстан, Туркменистан и Азербайджан стали серьезными конкурентами России в борьбе за привлечение иностранных капиталовложений в нефтегазовый сектор;
- основные мировые энергопотребители стремятся диверсифицировать свои энергоисточники и пути их транспортировки.

Турецко-азербайджанский фактор. Турция открыто стремится установить свою гегемонию в регионе и вытеснить оттуда Россию и Иран, пользуясь поддержкой США и Англии. Поэтому Турция усиленно лоббировала проект строительства нефтепровода Баку - Джейхан в обход России и Ирана.

Если западные страны с целью контроля над регионом рассматривают Азербайджан и Грузию в первую очередь в качестве транзитной территории по противостоянию Центральной Азии, то Турция, которая всегда преследовала пантюркистские цели, стремится выйти через Южнокавказский естественный мост на тюркоязычные районы Центральной Азии и за ее пределы, до Восточной Сибири и Западного Китая. Это беспокоит не только Россию, но и Китай.

Вслед за Турцией, Азербайджан в сентябре 1994 года подписал "Контракт Века", таким образом игнорируя интересы и попытки Прикаспийских стран по мирной коллективной эксплуатации каспийских ресурсов.

Хотя в азербайджанский нефтегазовый сектор инвестировали более 20 иностранных компаний, и Азербайджан внешне старался соблюдать определенный баланс в регионе между интересами России, США, Турции и Ирана, тем не менее, львиная доля инвестиций приходится на американские и британские компании. В целом, доля "Бритиш Петролеум" в двух наиболее перспективных проектах составляет около 22,5%, а доля американских компаний во всех оформленных проектах - примерно 34,5%. Однако, если учесть перспективы добычи и транспортировки углеводородов из Азербайджана,

жана, то хозяином и единственным правительством в этой области, безусловно, является английский капитал:

- межправительственное соглашение между Азербайджаном, Грузией и Турцией по строительству БТД разработано юристами "Бритиш Петролеум";
- "Бритиш Петролеум" целиком правит "Азербайджанской международной операционной компанией";
- под давлением "Бритиш Петролеум" Грузия и Азербайджан приняли ценовые и тарифные условия, угнетающие национальные интересы.

Помимо этого, на основе отдельных соглашений между возглавляемым ВР консорциумом и каждым из правительств трех указанных стран ВР и ее партнеры были освобождены от необходимости соблюдения каких-либо законов этих стран (нынешних или будущих), которые могут противоречить проектным планам корпорации. Соглашения позволяют ВР требовать от этих правительств выплаты компенсаций, если какой-либо закон (в том числе и законы в защиту окружающей среды или прав человека) сделает трубопровод менее выгодным.

Что касается китайских инвестиций, то можно отметить, что из \$7,3 млрд., инвестированных в нефтегазовый сектор Азербайджана, лишь \$130 млн. приходится на долю китайских компаний. В 2003 году между ГНКАР и китайской компанией *Shengli oil* подписан контракт типа *PSA* на реабилитацию, разведку, разработку и долевой раздел добычи по блоку он-шорного месторождения "Пирсаат" и прилегающих площадей. В проекте 25% принадлежат аффилированной компании ГНКАР, 50% — *Shengli* (оператор) и еще 25% пока остаются свободными. Срок соглашения составляет 25 лет с возможной его пролонгацией на 5 лет. Нефтяное месторождение "Пирсаат" расположено на побережье Каспия в 76 км к юго-западу от Баку. Общая площадь нефтегазоносности составляет 110 га. Детальные геологические исследования с проведением буровых работ начались после 1930 года. В 1964 - 1971гг. на площади "Пирсаат" проводились работы по выявлению нефтегазоносности 7-го горизонта (свита перерыва), который является наиболее нефтегазонасыщенным объектом месторождения. Месторождение с 1985 года находится в разработке. Эксплуатационный фонд скважин здесь составляет 25 единиц, из которых в эксплуатации находятся 10 скважин со среднегодовой добычей около 8 тыс. тонн нефти. Остаточные балансовые запасы нефти, по оценкам экспертов, составляют 7 млн., из которых извлекаемые - 1,5 млн. тонн. Китайская компания собирается вложить в реабилитацию месторождения \$140 млн. и довести добычу до 200 тыс. тонн в год.

Самым крупным китайским вложением в азербайджанскую нефть могло бы быть инвестирование в месторождение "Мурадханлы", однако китайские нефтяные компании отказались от разработки этого месторождения, так как там сложная геологическая структура при небольших запасах нефти. Прогнозируемые запасы месторождения "Мурадханлы" оцениваются в 60 млн. тонн нефти, а необходимые для его освоения инвестиции - в \$1,2 млрд.

Туркменский фактор. Для Туркменистана огромное значение имеют новые газопроводы. Существует несколько проектов и вариантов экспорта туркменского газа:

1. Газопровод Туркменистан-Иран
2. Газопровод Туркменистан-Пакистан.
3. Транскаспийский газопровод.
4. Газопровод Туркменистан-Китай

Строительство новых газопроводов не только увеличит доходы страны от дополнительного экспорта, поднимет ее рейтинг и способствует привлечению иностранных инвестиций, но и крайне важно с точки зрения национальной безопасности. Можно сказать, что реализация любого из этих проектов даст реальные шансы Туркменистану стать независимым от политики Москвы как в экономическом, так и в стратегическом плане. В этом контексте туркменское руководство особое значение отдает строительству газопровода Туркменистан-Иран.

В настоящее время Россия стремится переориентировать поток туркменских ресурсов прежде всего на неплатежеспособные страны СНГ, что никак не устраивает Туркмению. Но Туркмения, хотя и стремится выйти из давящего контроля российской инфраструктуры, в отличие от Азербайджана, имеет более подчеркнутую ориентацию на национализацию своих ресурсов и не хочет попасть в ловушку зоны столкновения России и Запада, что подталкивает ее в сторону Ирана. В настоящее время из 11 месторождений страны 3 зарезервировано для Ирана. Туркменистан планирует в ближайшие пять лет увеличить экспорт сжиженного газа, в связи с чем правительство разрабатывает проекты по открытию предприятий для производства сжиженного газа. Это даст ему возможность не только маневрировать в конъюнктурном плане на часто меняющемся газовом рынке, но и дифференцировать свою экспортную политику и выйти на другие рынки. Сжиженный газ - более современная газопродукция, спрос на который растет большими темпами. Потенциальными покупателями туркменского сжиженного газа могут стать Китай, Иран, Турция, Пакистан, Южная Корея, Афганистан и другие страны. Осуществление проекта газопровода Туркменистан-Пакистан зави-

сит от политического будущего Афганистана, и поэтому в среднесрочной перспективе актуализация данного проекта не намечается.

США целенаправленно продвигают проект строительства транскаспийского газопровода, который обеспечит поставку туркменского газа на мировые рынки, минуя территорию России и Ирана. Этот проект, кроме очевидных экономических и коммерческих сомнений, вызывает озабоченность не только у России и Ирана, но и у американских корпораций. Помимо этого, существуют спорные территории на Каспии между Туркменией и Азербайджаном, что и ставит судьбу проекта в зависимость от решения вопроса правового статуса Каспия. Более того, Ашхабад проводит весьма независимую нефтяную политику, он не входит в каспийские нефтяные консорциумы и, несмотря на давление Запада, не пошел против российских и иранских транзитных маршрутов. Туркмения даже выступила с инициативой создания сугубо региональной каспийской нефтегазовой компании, что соответствует бессрочным советско-иранским договорам 1921 и 1940 годов о статусе Каспия и его ресурсов.

Позиция Вашингтона, направленная на обход России и Ирана при транспортировке туркменского газа, и проблемы США в отношениях с Туркменистаном могут стать дополнительным стимулом для создания в перспективе своеобразного "газового ОПЕК-а" с активным участием России, Ирана и Туркменистана.

Проект Туркменистан-Китай может столкнуться с серьезными проблемами как в финансовом, так и в политическом плане. Но не исключено, что данный проект может быть форсирован Китаем из-за его актуальности для китайской стороны. Техничко-экономическое обоснование газопровода Туркменистан-Китай-Дальний Восток готовили "Китайская национальная нефтяная компания", "Мицубиси" и "Экссон", однако высокая стоимость строительства газопровода в этом направлении (\$10 млрд.) ставит под вопрос реализацию проекта в ближайшем будущем.

Казахстанский фактор. Сегодня Казахстан имеет только два маршрута экспорта нефти и оба - через территорию России, по модернизированным российским нефтепроводам Тенгиз – Новороссийск (с пропускной способностью 67 млн. тонн, из которого казахстанская нефть будет составлять 45 млн. т) и Атырау – Самара (максимальная пропускная способность 25 млн. тонн). Но Казахстан планирует к 2015 году добывать 250 млн. тонн нефти, значит он нуждается в новых трубопроводах. На данном этапе у Казахстана есть следующие варианты экспорта нефти:

- проложить нефтепровод из Актау в Китай, на что уже есть двухсторон-

нее соглашение между Казахстаном и Китаем;

- проложить нефтепровод Казахстан – Туркменистан – Иран и выйти на азиатский и европейский рынок. С этой целью в настоящее время французский нефтяной гигант *TotalFinaElf* занимается выработкой технико-экономического обоснования проекта;
- связать Актау с Баку и таким образом присоединиться к БТД.

Казахстан намерен также экспортировать свою нефть в Европу по нефтепроводу Одесса – Броды – Гданьск. И хотя Россия в этом направлении испытывает дефицит в 40 миллионов тонн нефти, который потенциально может сократиться после запуска второй Балтийской трубопроводной системы, и то лишь на 10 миллионов тонн, реализация этого проекта остается неясной и очень сомнительной, так как остаются неопределенными вопросы финансирования и многие другие аспекты данного проекта. К тому же надо учитывать, что в ближайшем будущем перед Россией станет неотложная задача сохранения разрушающейся трубопроводной инфраструктуры.

Из всех названных проектов только первые два пути транспортировки нефти предоставляют Китаю возможность доступа к казахстанской нефти. Но даже после реализации этих проектов остается открытым вопрос: чем заполнить эти трубопроводы? В настоящее время свободной нефти у Казахстана нет – экспорт в размере порядка 40 млн. тонн в год идет в западном направлении, разработкой новых месторождений занимаются в первую очередь именно западные компании, для которых нецелесообразна переориентация своих потоков на восток и создание альтернативы существующим и уже строящимся нефтепроводам (например, Тенгиз-Новороссийск и Баку-Тбилиси-Джейхан).

В этих условиях Китай спешит обеспечить себе доступ к казахстанской нефти, довольно успешно инвестируя в казахстанские нефтяные месторождения. В этом направлении Китай сегодня наращивает свои потенциальные запасы нефти такими темпами, которые не может превзойти ни одна другая азиатская страна, включая Японию.

Начиная с 1997 года Китай выложил до \$9 млрд. за нефтяные концессии в Судане, Венесуэле, Ираке и Казахстане. Если учесть еще стоимость строительства нефтепроводов, которые Китай прокладывает из стран Центральной Азии, то совокупные обязательства Пекина возрастут более чем на \$20 млрд. Таким образом, начав с нуля, Китай сегодня стал нефтяной державой, способной конкурировать с американскими и российскими фирмами.

Китай ведет также переговоры о нефтяных и газовых концессиях в Иране, Индонезии, России и Туркменистане. Китай поглощает одно за дру-

гим нефтяные месторождения во всем мире, но особенно в Казахстане. В настоящее время Казахстан является самым крупным (после Судана) получателем китайских инвестиций в зарубежный нефтегазовый комплекс. Сложившаяся ситуация, когда за счет усиления влияния китайской стороны размываются пакеты американских и английских инвесторов, вполне устраивает и Казахстан, который таким образом диверсифицирует иностранные инвестиции.

Так, Казахстан и Китай в 1997г. заключили соглашение на \$9,5 млрд. в области добычи и транспортировки нефти. В рамках этого соглашения, в июне 1997 года *China National Petroleum Corporation (CNPC)* приобрела за \$4,32 миллиардов 60% акций *CNPC-AktobeMunaiGas* в Западном Казахстане. Затем в мае 2003г. *CNPC* выкупила за \$150 млн. казахстанский госпакет акций (25,12%) в *CNPC-AktobeMunaiGas* и в результате стала контролировать 85,42% уставного капитала третьего по объему нефтедобычи (5,2 млн. тонн в 2003г.) предприятия Казахстана. Потенциальные запасы этих нефтяных промыслов оцениваются в 140 миллионов тонн. В августе 2003г. *CNPC* закупила за \$1,3 миллиарда 60% акций крупнейшего в Казахстане нефтепромысла Узень. Запасы нефти в Узени оцениваются в 200 миллионов тонн.

CNPC претендует на один из четырех нефтеносных блоков на Каспии. Причем правительство Казахстана, которое вообще приветствует инвестиции из Поднебесной, обещало китайской компании "зеленую улицу". Уже в октябре 2003 *CNPC* официально стала 100%-ным владельцем нефтяного месторождения "Северные Бузачи" в Мангистауской области (в августе *CNPC* выкупила 35%-ную долю в этом месторождении у саудовской компании *Nimir Petroleum*, после чего приобрела у американской *ChevronTexaco* компанию Техасо *North Buzachi Inc.*, которой принадлежали оставшиеся 65%). Хотя месторождение не очень большое (текущий уровень добычи составляет 8,4 тыс. баррелей в сутки), китайцы намерены поднять добычу до 20 тыс. баррелей, или до 1,2 млн. тон в год то есть еще 20-30% к уже существующей добыче *CNPC* в Казахстане. Чтобы освоить еще больше нефтяных месторождений в Казахстане компания договорилась о создании совместных предприятий с Италией и Индией.

Китай осознает, что успех его стратегии по увеличению своего влияния в регионе прямо зависит от маршрутов нефтепроводов, и поэтому планирует расширить их строительство. С прокладкой трубопроводов по китайскому направлению он надеется изменить геостратегический облик региона в свою пользу, что, несомненно, имеет большое значение не только для Прикаспийских стран, но и для всего остального мира.

США не возражают против прокладки трубопроводов из Центральной Азии в китайское побережье Японского моря по следующим соображениям:

- подобные экспортные нефтепроводы стабилизировали бы центрально-азиатские республики;
- по ним, возможно, стали бы снабжаться нефтью союзники Вашингтона в Юго-Восточной Азии;
- стабилизация в Синьцзяне уменьшила бы влияние исламского фундаментализма, хотя многие специалисты знают, что стоимость строительства и эксплуатации вышеупомянутого проекта намного превышает ожидаемую от него прибыль. Для США это прекрасная возможность создания условий по оказанию влияния на Китай. Мы вновь становимся свидетелями того, что в американской стратегии политический компонент берет верх над экономическим. Вместе с Пекином в подготовке исследования об осуществимости данного проекта активно участвуют японские и американские фирмы "Мицубиси" и "Экссон". Стоимость этого проекта составляет \$22 млрд.

Россия, у которой есть дальневосточные проекты с более выгодным выходом в Китай, конечно, против таких маршрутов. Ей самой нужен выход на азиатский рынок, чтобы продавать газ и нефть с очень богатого Ковыктинского месторождения вблизи Иркутска.

Соглашение о прокладке нефтепровода от западных нефтеносных районов Казахстана в Китай (протяженностью порядка 3 тыс. км при пропускной способности 20 млн. тонн в год с перспективой расширения до 50 млн. тонн) было подписано между Астаной и Пекином еще в 1997 году. Однако несмотря на кажущуюся заинтересованность обеих сторон и отсутствие риска транзитных стран на маршруте, что является очевидным преимуществом проекта, его реализация, обсуждающаяся уже несколько лет, не получает достаточного развития. Есть версия, по которой на данный момент китайские инвестиции обусловлены лишь чисто геополитическими интересами. "Фактически Китай посредством инвестиций в рамках нефтепроектов расплачивается с Казахстаном за отданные ему территории (более 500 кв. км казахстанской земли)", - замечает руководитель стратегического планирования Ассоциации приграничного сотрудничества Александр Собынин. Вероятно, он имел ввиду и то обстоятельство, что заключение нефтяных проектов по времени практически совпало с подписанием пограничных соглашений между Казахстаном и Китаем. "Ввиду этого китайский проект, скорее всего, повторит судьбу большинства нефтяных проектов Каспийского региона, где главным является не столько нефть, сколько вопросы влияния, и

нефть выступает лишь средством для решения геополитических задач", – полагает Собянин.

Этот маршрут имеет определенные недостатки как в чисто экономическом плане, так и с точки зрения особенностей подходов китайской стороны. Во-первых, большая протяженность трубопроводов и отсутствие развитой внутренней инфраструктуры, соединяющей западные и восточные районы Китая, потребуют увеличить протяженность трубы до 8 тыс. км, чтобы довести нефть до ее основных потребителей, которые сконцентрированы в восточном побережье Китая.

Во-вторых, существует вполне реальная опасность недостатка нефти. Маршрут трубопровода следует от одного месторождения к другому, собирая нефтяные ресурсы в разных частях Казахстана: ни одно из этих месторождений в отдельности не может служить источником, достаточным для наполнения этого трубопровода. В-третьих, эксперты утверждают, что в любом совместном предприятии с участием китайских транснациональных корпораций, их обычная стратегия сводится к стремлению завладеть контрольным пакетом, а по возможности – и всеми акциями. В условиях, когда основная добыча по пути маршрута контролируется не китайскими компаниями, китайцы не будут строить трубопровод хотя бы из соображений экономической безопасности.

По крайней мере, подписанное в 1997 году соглашение между Китайской национальной нефтяной компанией *CNPC* и Министерством энергетики Казахстана о строительстве трубопровода из Актау в Китай, никто не отменял. Нефте- и газопроводы по восточному направлению для Китая имеют жизненно важное значение. Они помогут ему решить разноплановые проблемы внутри страны, в развитии западных и северных районов с целью дальнейшего укрепления целостности страны, а также получить определенную степень влияния в Прикаспийском регионе, что, по существу, обозначает создание растяжки восток-запад. И хотя нефтепровода пока не существует, нефтяной маршрут Казахстан-Синьцзян уже действует, так как в 1997 году Казахстан начал поставлять нефть в Китай в железнодорожных цистернах. Причем, этот маршрут не исключает и другие направления.

Очевидно, что проект представляет для Казахстана самостоятельный интерес, поскольку, в этом случае уменьшилась бы зависимость Казахстана от валютных поступлений от экспорта нефти в Европу через российские трубопроводы. Он освоил бы новый, азиатский рынок, а его западные нефтяные месторождения оказались бы связанными с крупными населенными центрами на востоке. Более того, помимо китайского направления трубопровод сое-

диняет нефтяные месторождения Актюбинской и Атырауской областей с уже действующими экспортными системами Тенгиз – Новороссийск (Каспийского трубопроводного консорциума) и Атырау – Самара. К тому же трубопровод через Атасу пересечется с построенным в советские времена нефтепроводом Омск – Чарджоу (ныне Туркменабад), так что в направлении китайского Алашанькоу можно будет качать и российскую нефть.

В настоящее время более реальным представляется предложение Китая о прокладке стратегического 1000-километрового трубопровода (стоимостью два миллиарда долларов) от месторождения Узень в Казахстане через Туркменистан и Иран до порта Бандар Аббас в Персидском заливе. Оттуда нефть можно доставлять танкерами в китайские города на индустриальное побережье и в Европу. В сентябре 1997 года Китай и Казахстан подписали соглашение о строительстве первого участка этого трубопровода протяженностью 250 километров от Узеня до границы с Туркменистаном. Этот маршрут очень выгоден и для Ирана. Он обеими руками ухватился бы за любую возможность подорвать американские санкции и превратиться в главного экспортера центрально-азиатской нефти и к тому же получил бы прекрасную возможность для реализации своих стратегических планов в отношении региона. Но этот проект явно наталкивается на серьезные возражения со стороны США, делающих упор на транскаспийские магистрали. Россия также выступает против этого замысла Пекина, поскольку такой маршрут позволил бы государствам Центральной Азии получить независимый и неконтролируемый Москвой выход к Персидскому заливу.

Инвестируя в нефтегазовые месторождения и в строительство трубопроводов в Центральной Азии, Китай стремится не только улучшить свой энергетический баланс, но и повысить свое политическое и экономическое влияние в странах региона. Со временем это неизбежно приведет к уменьшению влияния России в регионе, а США в своей региональной политике в сфере транспортировки энергоносителей будут считаться с позицией Китая.

Китайско-иранские экономические отношения. Иран и Китай успешно взаимодействуют по вопросам ближневосточного урегулирования и важнейшим международным проблемам. Иран рассматривает Китай в качестве стратегического внешнеполитического партнера и как важнейший политический компонент своей азиатской политики, который может содействовать не только укреплению иранской экономики и обороноспособности, но и продвижению иранских интересов на международной арене.

В условиях усиления влияния США в регионе, особенно после событий в Ираке в начале 2003 года, общность позиций двух стран приобретает

весомое значение для региона. Не исключено, что ирано-китайское сближение будет способствовать усилению внешней политики Ирана в духе "возврата к традициям исламской революции" в качестве "альтернативы новому мировому порядку".

Тегеран и Пекин уделяют возрастающее внимание развитию двусторонних торгово-экономических связей, об уровне которых говорит тот факт, что Китай является третьим по величине торговым партнером Ирана в Азии после Японии и Южной Кореи и четвертым - в мире. Иран занимает 19 место по объему экспорта в Китай и 30 - по объему импорта из Китая. Объем двустороннего товарооборота в 2001 году составил \$3,3 млрд., в том числе иранский экспорт - \$2,4 млрд., импорт из Китая - \$0,9 млрд. Самой значительной составляющей двустороннего товарооборота, обуславливающего его увеличение в последние годы, является нефтяное сотрудничество, которое продолжает оставаться одной из основных тем в диалоге между двумя странами. 98% иранского экспорта в Китай приходится на поставки сырой нефти, благодаря чему Иран обеспечивает 18% потребностей Китая в импорте этого сырья. По данным министерства нефти Ирана, в первом полугодии 2002 года в Китай было экспортировано 5 578 тыс. тонн сырой нефти, что на 3,27% выше аналогичного периода предыдущего года и делает Иран основным поставщиком данного сырья в Китай (за Ираном следуют Саудовская Аравия и Оман).

При условии снятия американских санкций на инвестиции Иран может увеличить объем иностранных инвестиций и заинтересованных инвесторов в газовых и нефтяных проектах и в перспективе стать одной из влиятельных стран в регионе.

Китайские нефтяные компании проявляют интерес к разработке углеводородных месторождений в иранском секторе Персидского залива. В начале 2001 года крупнейшая нефтегазовая корпорация Китая *SINOPEC Engineering Inc* подписала с Иранской национальной нефтяной компанией (ИННК) контракт о совместной эксплуатации нефтяного месторождения Заварех-каншане в 205 км от Тегерана площадью 4,790 кв. км. Ранее *SINOPEC* приобрела у ИННК 7,35 млн. тонн сырой нефти. Кроме того, между двумя компаниями было подписано соглашение на сумму \$150 млн. о переоборудовании Тебризского и Исфаганского нефтеперерабатывающих (НПЗ) предприятий и сооружении трубопровода Некка-Тегеран длиной 336 км. Однако позже в связи с выдвижением иранцами неприемлемых дополнительных условий сотрудничества китайская компания вышла из совместного консорциума. В настоящее время участие Китая в указанном проекте, с которым

иранцы связывают свои расчеты на осуществление выгодных *SWOP*-операций с каспийской нефтью, сводятся к содействию нескольких частных китайских компаний в реконструкции НПЗ в Тегеране и Тебризе.

Однако Тегеран усердно пытается убедить китайцев в преимуществе маршрута транспортировки среднеазиатской нефти по нефтепроводу через Иран к Персидскому заливу и далее танкерами в Китай, обращая внимание на неудовлетворительное состояние профиля ландшафта для прокладки трубопровода на территории Китая. Постепенно становящийся наиболее вероятным данный вариант решения проблемы транспортировки энергоресурсов в Китай неизбежно обострит соперничество в "большой игре" за Каспий.

Немаловажное значение стороны придают также сотрудничеству в сферах транспорта, строительства, сельского хозяйства, водного хозяйства и энергетики, в том числе атомной и в других областях. В настоящее время в Иране активно работает свыше 1200 китайских компаний и фирм.

4. Возможные нефтегазовые маршруты

Можно заметить, что по сравнению с Центральной Азией политика США на Кавказском направлении была более активной. США сделали ставку на закрепление своих позиций на Южном Кавказе, в частности в Азербайджане и Грузии, хорошо понимая, что без этого их дальнейшая экспансия в Центральной Азии окажется весьма уязвимой.

США рассчитывали на то, что продвижение в финансовом отношении недостаточно привлекательного проекта "Баку-Джейхан" даст им стратегические преимущества: позволит им создать вокруг Каспия зону без России и Ирана и навязать последним удобный для себя вариант правового статуса Каспия. Именно в Кавказском узле субрегиона должна была решаться судьба добычи и транспортировки энергоресурсов стран Центральной Азии (отсюда и появление проектов транскаспийских нефте- и газопроводов). В свою очередь Азербайджан и в определенной мере Грузия в настоящее время придерживаются откровенно прозападной ориентации. Эти страны, особенно Азербайджан, связывают с транскаспийскими проектами все свои надежды в решении назревших внутриэкономических и социальных проблем, тем самым лишая себя возможности проводить независимую экономическую политику.

Вместе с тем Вашингтон всячески стремится сохранить баланс сил в регионе, поскольку не вызывает сомнений, что если США удастся "вытеснить" из Каспийского региона Россию, то ее место будет немедленно занято Ираном и наоборот. Кроме того, играя на балансе сил, США преследуют

цель - не допустить формирования антиамериканского альянса со стороны влиятельных стран региона. В этом контексте усиление пророссийской ориентации Ирана рассматривается Соединенными Штатами как элемент политического дисбаланса в Каспийском регионе и обостряет проблему нормализации отношений Вашингтона с Тегераном. Но от этого обострения страдают американские стратегические интересы в регионе и в первую очередь американские компании, например такие, как Conoco, которая понесла значительные убытки из-за эмбарго против Ирана. Более того, с уходом американских фирм из Ирана их место заняли европейские конкуренты.

Возможно в перспективе, несмотря на два десятилетия вражды, региональные интересы США выдвинут на передний план проблему нормализации отношений с Ираном. Эксперты известной американской аналитической службы *The Internet Source For Global Intelligence* утверждают, что американская администрация при определенных условиях может поддерживать региональные усилия Ирана, так как они отвечают стратегической цели США по недопущению усиления влияния России на новые независимые страны Кавказского и Центральноазиатского субрегиона. По их мнению, возрастание "сбалансированного" противостояния по всем направлениям треугольника "Россия-Иран-Турция" разрешит сохранить регион открытым и безопасным для США без серьезных усилий с их стороны.

Однако появление Китая на Каспии, несомненно, внесет новые коррективы в сложившийся баланс сил и может серьезно повлиять на географию нефтяных маршрутов. Правда, сейчас Китай не находится в центре событий, развивающихся на Каспии, но со временем (при активизации литеральных стран каспийского региона в области решения проблем, связанных со статусом Каспия), Китай несомненно станет более активно продвигать свои интересы. Уже сегодня можно заметить определенную активизацию Китая в области военного сотрудничества с государствами Центральной Азии. И хотя оказываемая Китаем среднеазиатским государствам безвозмездная военная помощь по своим размерам во многом уступает российской и НАТО-вской, китайская помощь направлена на решение конкретных стратегических целей. Есть все основания считать, что в удобный момент Китай официально будет участвовать в формировании военно-морских сил на Каспии.

Определенные интересы на Каспии сложились и у Индии. Это в свою очередь влияет на определение оптимальных сценариев прокладки трубопроводов. Транскаспийские проекты транспортировки углеводородов регио-

на соответствуют интересам западных стран, но не сулят никаких выгод не только Пекину, но и Дели. А вот альтернативные транспортные маршруты через территорию Ирана удовлетворяют и Европу, и Китай, и Индию.

Таким образом, можно выделить как минимум два фактора, оказывающие существенное и непосредственное влияние на определение оптимальных сценариев реализации нефтегазовых проектов:

- высокая степень конкуренции США, ЕС, России, Ирана, Турции и Китая за влияние на страны региона и наличие определенной политической и экономической зависимости некоторых стран Южного Кавказа и Средней Азии от главных игроков,
- борьба за источники энергоносителей и маршруты их транспортировки на уровне национальных политик и транснациональных корпораций.

С другой стороны, следует отметить, что современные геэкономические проекты, связанные с развитием региональных рынков и формированием коммуникационных сетей, вышли за пределы интересов отдельных национальных государств. При формировании и последующей реализации проектов доминирующим стал фактор коллективного регионального интереса. Это обусловлено складывающейся геэкономической архитектурой международного сообщества, которая определяется новыми реалиями современности: динамично формирующимися и развивающимися макрорегиональными геэкономическими пространствами (или просто макрорегионами). Очевидно, что в таких условиях во внешней политике многих стран происходит максимальное выдвигание на передний план экономических интересов.

Вместе с тем, несбалансированность интересов ведущих мировых экономических центров приводит к блокированию развития любой из этих интеграционных моделей и тормозит реализацию крупных геэкономических проектов. Особенно это касается реализации энерготранспортных проектов геэкономической важности, которые помимо экономических аспектов имеют и геополитическое значение.

В таких условиях для достижения успеха в регионе каждый из главных каспийских игроков будет вынужден более активно работать не только со странами, имеющими непосредственный выход на Каспий, но и с их соседями. При этом игроки должны максимально не игнорировать конкурентов, у каждого из которых - своя иерархия приоритетов.

Исходя из политических и экономических реалий, сложившихся вокруг региона, новые вероятные маршруты нефтепроводов могут выглядеть таким образом:

1. Если США, учитывая назревшие изменения, внесут корректировки в свою каспийскую стратегию и пересмотрят политику в отношении Ирана, то это может иметь решающее значение для каспийских проектов. В этом случае основные потоки нефти из Казахстана потекут на юг - через Туркменистан в Иран и Персидский Залив, и далее танкерами в сторону востока (Китай, Южную и Восточную Азию) и Европу. В аспекте американской стратегии надо учитывать еще и то, что Россия и страны региона являются для США не безальтернативным источником энергии, а лишь составной частью американской стратегии на диверсификацию импорта энергоресурсов. Основные поставщики газа в США - Канада и Мексика, нефти - страны американского континента и Ближнего Востока. Доля поставок нефти из всех стран бывшего СССР не превышает 2% американского импорта. Расширение добычи и экспорта энергоресурсов Каспия – вопрос инвестиций и именно в этом смысле возможна "борьба за приз".
2. Баку-Джейхан и трубопроводы по направлению к западным районам Китая, а также в Афганистан и Пакистан будут иметь, скорее всего, локальное значение.

В своей энергетической стратегии страны Европы рассматривают Кавказско-Каспийско-Центральноазиатский субрегион и Иран в качестве новых источников газоснабжения. Именно за счет этих регионов страны Евросоюза рассчитывают диверсифицировать зависимость европейской экономики от импорта газа, в том числе и из России. Расширение перечня стран-поставщиков отвечает решениям Евросоюза о либерализации "еврогазового" рынка и позволяет им одновременно с увеличением потребления газа снизить цены на него.

С другой стороны, как считают специалисты компании *The Boston Consulting Group (BCG)*, Россия и остальные газодобывающие страны сами могут влиять на объемы продаж газа в Европе и соответственно на рост объемов своего экспорта. По их мнению, не исключено, что позиции стран, экспортирующих газ в Европу, со временем сблизятся с позицией Ирана, и они создадут "газовый ОПЕК" настолько быстро, насколько Еврокомиссии удастся реализовать планы по снижению цен на газ. Это позволит странам-экспортерам поддерживать высокие цены на газ на европейском рынке.

Если сегодня Россия стремится самостоятельно сформировать "Евразийский газовый альянс" со среднеазиатскими странами без Ирана, основываясь на свои долгосрочные контакты с Германией, Италией, Турцией и разветвленную сеть инфраструктуры, то в дальнейшем ее позиция в отношении

"газового ОПЕК-а", скорее всего, изменится по следующим причинам:

- вследствие энергетической политики Евросоюза вероятно начнется разрушение системы долгосрочных контрактов;
- Иран, газодобывающие страны Ближнего Востока, Азии и Северной Африки столкнутся с необходимостью создания своего "газового альянса", что минимизирует нынешние преимущества России и, в конечном итоге, может привести к разрушению планов объединения запасов газа восточно-каспийского и среднеазиатского регионов с запасами России в единый коммерческий пул.

Создание "газового ОПЕК-а" с участием Ирана и России и объединение газовых ресурсов евразийских газодобывающих стран может стать для Запада побудительным мотивом для инвестирования средств в "евразийские" газовые проекты.

Естественно, что невозможно детально очертить будущую газотранспортную сеть, но если в качестве исходной точки взять региональную газодобычу (вместе с Ираном и Россией) и учесть экономические и политические приоритеты этих стран по выходу на европейский рынок, то ориентировочная схема новых газопроводов может предполагать прежде всего соединение иранской газотранспортной системы с российской, что создаст единый баланс производства и потребления газа, даст возможность странам-экспортерам проводить единую ценовую политику как в отношении реализуемого газа, так и в установлении транзитных тарифов. Помимо технико-экономического обоснования в таких проектах можно будет максимально учитывать и геополитическую составляющую (то есть выбор стран, по территории которых пройдет газопровод). В этом плане на Южном Кавказе более вероятным представляется газовый транзит "юг-север" против нефтяного транзита "восток-запад" (Баку-Джейхан). В этом случае можно обеспечить поставку газа в Европу по надежному экспортному каналу Иран-Армения-Грузия-Россия-Украина-Европа. Армения получит также возможность расширить свои энергетические мощности для производства электроэнергии на экспорт. Как для России, так и для Туркмении с Узбекистаном и Казахстаном выгодно "связать" Украину долгосрочными международными обязательствами и по транзиту газа, и по оплате его поставок. Иран, помимо других проектов и существующих каналов для экспорта своего газа, получит прекрасную возможность для выхода в Европу и Черноморские страны.

В формирующейся региональной геоэкономической архитектуре перед Арменией стоят следующие основные задачи внешнеэкономической политики:

1. Соблюдать сбалансированность отношений с основными игроками, что позволит уравновешивать их влияние, создавать благоприятную внешнюю среду и привлекать необходимые для национальной экономики иностранные инвестиции.
2. Интенсивно развивать внешнеэкономическую деятельность, направленную на создание условий для выхода страны на мировые рынки товаров, услуг и капиталов, и в частности, в огромный китайский рынок.
3. Укрепить экономический суверенитет страны в проведении торговой и финансовой политики и, следовательно, сохранить возможности управления собственным развитием.
4. Активно использовать инструменты стимулирования экономического роста и государственного регулирования экономики в целях повышения ее конкурентоспособности, инвестиционной и инновационной активности.

Известно, что государства, полагающиеся в основном только на доходы от одного экономического сектора, особенно такие ненадежные как нефтяной и газовый, в долгосрочной перспективе лишаются динамичного экономического развития. Армения, в отличие от многих государств региона не имеющая нефти и газа, стремится разнообразить свою экономическую деятельность, а это может гарантировать долгосрочную стабильность. К тому же расширяющиеся торговые связи будут не только способствовать успешному решению текущих вопросов развития экономики, но и усложнят возможности экономического и политического давления на Армению любой отдельной страны и обеспечат многостороннюю безопасность армянского государства. Армения имеет развивающиеся торгово-экономические отношения с Россией, Ираном, США и странами Европы. Китай, у которого свои определенные интересы в регионе, крайне не заинтересован в усилении Турции в Южном Кавказе и Центральной Азии, учитывая не только проблемы экономического характера, но и сепаратистские стремления тюркоязычного Синцзян-Уйгурского автономного района. В этом плане Армения является потенциальным политическим и экономическим партнером Китая.

Армения может представлять определенный политический и экономический интерес для главных каспийских игроков и в транспортно-коммуникационной области. В определенных условиях Армения может реализовать свой транзитный потенциал в рамках нового Шелкового пути – Транспортного Коридора Европа-Кавказ-Азия (ТРАСЕКА), позволяющий ей получать все выгоды международной транзитной торговли через свою территорию и расширять торговлю с Китаем, Индией и странами Юго-Восточной Азии.

Источники и литература

1. По материалам Синьхуа
2. <http://www.CHINA.ORG.CN>, 10 июня 2003.
3. <http://www.rbc.ru>, Wall Street Journal: Новым "игроком " в Центральной Азии становится Китай, РБК, 14.11.2003.

Март, 2004г.

ՉԻՆԱՍՏԱՆԻ ԱՇԽԱՐՀԱՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԳԵՐԱԿԱՅՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԿՈՎԿԱՍ – ԿԱՍՊԻՑ – ԿԵՆՏՐՈՆԱԿԱՆ ԱՍԻԱ ՏԱՐԱԾԱՇՐՋԱՆՈՒՄ

Աշոտ Եղիազարյան

Ամփոփագիր

Կովկաս-Կասպից-Կենտրոնական Ասիա տարածաշրջանի համար ազդեցության պայքարում, բացի ԱՄՆ-ԵՄ-ից և Ռուսաստանից, ակտիվորեն ներգրավված են տարածաշրջանային դերակատարներ Թուրքիան և Իրանը, Ճապոնիան, Հնդկաստանը և հատկապես Չինաստանը, որի դերը վերջին տարիներին անշեղորեն աճում է:

Էներգիայի բավարար ներքին աղբյուրների և արտաքին հուսալի ռեսուրսների բացակայությունը լուրջ վտանգ են ներկայացնում Չինաստանի տնտեսության զարգացման և երկրի անվտանգության համար: Այդ հիմնահանգի լուծման համար Չինաստանի հայացքն այսօր ուղղված է Կասպյան տարածաշրջանին:

Բացի էներգետիկ նախագծերի իրացումից, տարածաշրջանի երկրների հետ Չինաստանը հաստատել է առևտրատնտեսական բազմաբնույթ կապեր, որոնք տարեցտարի ընդլայնվում են, ընդ որում այդ հարաբերությունները եզակի առևտրային գործարքներից վերածվում են երկարաժամկետ համագործակցության:

Ընդհանուր առմամբ տարածաշրջանում Չինաստանի դիրքերի ամրապնդումը թույլ կտա նրան ոչ միայն պահպանել տնտեսության զարգացման բարձր տեմպերը, այլև, անկասկած նոր ճշգրտումներ կմտցնի տարածաշրջանում ուժերի ստեղծված հաշվեկշռի մեջ և կարող է լրջորեն ազդել նավթամուղերի աշխարհագրության վրա:

Եթե ԱՄՆ-ը ճշգրտումներ մտցնի իր կասպյան ռազմավարության մեջ

և վերանայի Իրանի նկատմամբ իր քաղաքականությունը, ապա դա կարող է վճռորոշ նշանակություն ունենալ կասպյան նախագծերի համար: Այդ դեպքում նավթի հիմնական հոսքերը Ղազախստանից կհոսեն հարավ, Թուրքմենիայի տարածքով՝ Իրան և Պարսից ծոց, և այնուհետև տանկերների միջոցով արևելք (Չինաստան, Հարավային և Հարավ-Արևելյան Ասիա) և Եվրոպա: Բաքու-Ջեհյան և Չինաստանի արևմտյան, ինչպես նաև Աֆղանստանի և Պակիստանի ուղղությամբ նավթախողովակաշարերը թերևս կունենան տեղական նշանակություն:

Նոր գազախողովակաշարերի մոտավոր սխեման կարող է ենթադրել նախ և առաջ իրանական գազատրանսպորտային համակարգի միացումը ռուսական համակարգի հետ, որը կստեղծի գազի արտադրության և սպառման միասնական հաշվեկշիռ, արտահանող երկրներին հնարավորություն կտա իրականացնել միասնական գնային քաղաքականություն: Այս առումով, Հարավային Կովկասի հետ կապված, առավել հավանական է գազի տարանցիկ փոխադրումը հարավ-հյուսիս ուղղությամբ, նավթի արևելք-արևմուտք (Բաքու-Ջեհյան) ուղղությամբ տարանցիկ փոխադրմանը հակառակ: Այս դեպքում կարելի է Եվրոպա գազի մատակարարումը ապահովել Իրան-Հայաստան-Վրաստան-Ռուսաստան-Ուկրաինա հուսալի ճանապարհով:

Տարածաշրջանում ձևավորվող աշխարհատնտեսական միջավայրում Հայաստանը կկանգնի արտաքին տնտեսական քաղաքականության մի շարք այնպիսի կարևոր խնդիրների լուծման անհրաժեշտության առջև, ինչպիսիք են կասպյան հիմնական դերակատարների հետ հավասարակշռված հարաբերությունների պահպանումը, համաշխարհային շուկաներ դուրս գալու համար բարենպաստ պայմանների ստեղծումը, երկրի տնտեսական անկախության ամրապնդումը և այլն: